

ВЛАДИМИР МАКАНИН

ОДНОДНЕВНАЯ ВОЙНА

Часть сборника: Антиутопия (сборник)

Владимир Маканин
Однодневная война

«ЭКСМО»

2001

Маканин В. С.

Однодневная война / В. С. Маканин — «Эксмо», 2001

«Петербургская таксистка, она и точно молода, улыбочива, энергична, но ей довелось работать как раз в эту ночь. (Хотя, вообще говоря, женщин-таксисток в ночь щадят. Их подменяют.) А с первым же пассажиром пришлось изрядно поплутать по темным и полутемным улицам. Мужчина был один, мрачен и без чемодана, без какой бы ни было вещевой сумки. Но все обошлось. Высадив угрюмца, она катит по пустынной улице. Вокруг никого. Окраина Петербурга...»

© Маканин В. С., 2001

© Эксмо, 2001

Владимир Маканин

Однодневная война

Рассказ

Едва ли молодая женщина объявится хотя бы еще раз вплоть до финала – ей как-то нет места, не востребована, и потому она легко появляется в начале и сразу, здесь и сейчас.

Петербургская таксистка, она и точно молода, улыбочива, энергична, но ей довелось работать как раз в эту ночь. (Хотя, вообще говоря, женщин-таксисток в ночь шадят. Их подменяют.) А с первым же пассажиром пришлось изрядно поплутать по темным и полутемным улицам. Мужчина был один, мрачен и без чемодана, без какой бы ни было вещевой сумки. Но все обошлось. Высадив угрюмца, она катит по пустынной улице. Вокруг никого. Окраина Петербурга.

Она притормозила, заметив фонарь и какие-то три симпатичные елочки, смело растущие рядом с проезжей частью дороги. Это у самого тротуара. И никто не видит. Заглушив мотор и не забыв (опаска!) взять ключи, молодая женщина быстро выходит из машины. И к елочкам.

Улица спит. Только в доме, что напротив, горит одно окно. Там к стеклу прилип старик. И бесцельно смотрит в никуда.

Он и не спал, когда его вдруг разбудили. Его выдернули из той сладкой стариковской дремы, когда в полусне кажется, что вот-вот и уже возвращаются былые силы. Как ждешь!.. Последние эти силы по-ночному невнятны, ускользающи, твои и не твои. И никак не знаешь – не продолжение ли это дремы? Не обманка ли на минуту-две, чтобы поддразнить?..

А разбудил его поздний телефонный звонок. Конечно, не следовало в ночное время брать трубку, но дернулся с постели, заторопился рукой и уже взял, и теперь слушай в очередной (в сто первый) раз, как хамский неспешный голос говорит:

– А-а. Это ты... Уже СКОРО.

Хохотнув, бросили трубку.

Старик сколько-то еще помедлил, подержал трубку, дослушивая сыплющиеся оттуда хамские гудки, и в свой черед положил трубку на базу. Так теперь говорили – «положить на базу». Раньше, в его время, употребляли некрасивый глагол «повесить».

Можно было снова лечь в постель и, если получится, впасть в живительную дрему. И можно было, укладываясь на правый бок, подумать о своей мягкой постели и о себе самом шуточно, в третьем лице: старичка, мол, тоже после разговора положили на базу.

Но прежде, пользуясь таким ясным (на недолго) ночным своим сознанием, он подошел к окну. Нынче луна! И приостренным взглядом смотрел на полутемную пустую улицу... Увидел такси. Машина вдруг остановилась, вышла водитель-женщина и шмыгнула в три елочки, что поблизости. Справила там скоренько нужду. Старик не увидел да и не угадал. Он только увидел, как, счастливая, она снова появилась возле своей машины и, подняв глаза, смотрела. Смотрела весело на дом, что напротив. Конечно, на окна – и на него.

Взгляд ее длился секунду-другую, но старик успел обрадоваться. А она помахала ему рукой. Нас, мол, сейчас двое бодрствующих, ты да я, в этой сонной петербургской ночи. Возможно, своей отмашкой она еще извинялась за елочки и за нужду – бывает! что поделать! Ее ладошка так и сверкнула в свете то ли луны, то ли фонаря.

Петербург мерз уже осенью. Свет, как и тепло, строжайше экономили, но возле дома, где старик, всегда горел этот единственный на улице ночной фонарь.

Таксистка уехала, а старик остался за своим окном, радый какому-никакому контакту. Он пребывал здесь что день, что ночь один и взаперти, он был под домашним арестом. Дело в том, что старик был экс-президент.

Когда, минутой позже, сзади ему в ногу уткнулось нечто теплое, он ничуть не испугался: знал, что это сунулась за лаской крепкая морда его сотоварища – его пса. Пес, и никто другой. Не отрываясь пока что от окна, старик рукой потрепал пса по морде, а тот ему ответно коротко и радостно взвыл:

– Уу-ууу.

Эхом (комнатным) в отклик вернулось еще одно «уу-ууу...». Словно бы издалека подвыл нам еще один некий пес – похоже, подумал старик, на заокеанское эхо. Уж очень издалека.

Внизу, на входе в подъезд этого дома, стояли стол, стул, телефон и заодно крепкий мужской душок охраны – там расположился вахтер: если что, он свистнет! А сбоку с открытой, конечно (с распахнутой настежь), дверью комнатка отдыха, где спали еще трое-четверо крепких и, конечно, вооруженных ребят, – молодых и быстрых. Эти свежо прихрапывали. Экс-президент не был с точки зрения охраны хоть как-то опасен. Будь даже свободен, никуда бы не делся. Старик уже не был достаточно подвижен, чтобы слинять.

В сущности, его охранял этот единственный вахтер, тоже старый хер и тоже уже одинокий. Он был мучим легкой бессонницей, и сам напрашивался сидеть здесь ночь напролет: пусть ребята поспят!

Была же песня времен его давней юности (песня его дедов), где высокими до небес головами выводили так: *пу-уусть солдаты немного поспят...*

Они и спали. А вахтер подумывал о том о сем и как бы невзначай об экс-президенте – каково, мол, ему, сторожимому старику, сейчас? При этом ночное его сопереживание никак не обобщалось. Во всех странах так!.. Всеобщее преследование влиятельных стариков (принцип да и двигатель нынешней общественной жизни) казалось старику-вахтеру логичным. Так им, властным, и надо. Всё путем! Чужая беда не обязательно в радость, но беда этих, властных, не зря же почему-то греет нам наши скромные жизни и души. Именно. Мы не экс-президенты, а просто старики. О нас не пишут газеты. Нам преотлично в нашей малости. (Если что нас и преследует, то только собственные старческие запахи. Да насмешки, пожалуй, наших шустрых внуков, считающих, что мы уже воняем...) А этот сторожимый старик получил по заслугам. В конце концов, разве он не живой человек – и разве, забравшийся наверх и такой всем известный, не насобирали он по жизни разных грешков?..

На столь сурово-справедливой, но отнюдь не участливой и не развернувшейся к самому себе (пока что) мысли вахтер впал в вялотекущую ночную нирвану. Не сон – но покой.

Покой старика-вахтера, как покой и сон многих вахтеров, привычно держался всего-то на двух крепких китах: пока он здесь сторож, ему есть хлеб и тепло, дом отапливается – это во-первых! И еще одно успокоительное, какое он принимал ежедневно. Какое каждый вечер он нет-нет и пил (черпая) из телевидения... Это касалось мира. Это касалось знаменитых ракет СС-очко.

Модернизированная кассетная СС-21, в просторечии *СС-очко*, и впрямь кого хочешь могла успокоить. Ее хорошо знали. Едва взлетев в сторону предполагаемого врага, ракета как бы играючи делилась на десять. Был и баллистический сюрприз: вместе с «горячей десяткой» боевых, из того же самораскрывающегося гнезда вылетали на волю еще ровно сорок ничем не начиненных и легких ракет-болванок. Пустые ракеты так и звали «пустышками». Именно из-за «пустышек», поскольку в полете от самонаводящихся боевых никак не отличимы, число ракет (которые врагу перехватывать!) возрастало до пятидесяти: 10+40.

С пещерных дней мы побаивались удара свыше: грома и молнии, затем Божьей кары, а теперь еще и ракеты! С пещерных дней всюду, где ни выступ, суём и крепим маленькие свои штыри-громоотводы. Молитва – чудный щит, из крепких, но не одной же молитвой живы нынешние. И потому (не только в связи с СС-очко, но, кажется, с нее началось) возник глобальный и всем известный блестящий проект: повесить над Землей тысячу спутников, которые

уследят и упредят любые размножающиеся в воздухе ракеты... Общий проект – для всеобщего спокойствия. Это ли не главное? Это ли не громоотвод для нашей разросшейся пещеры? Это ли

не цель желанная?.. —

цитировала великого поэта одна из газет в те дни. И заканчивался пещерный пассаж тем, что чувство причастности к миру, вернее *к деланию мира*, охватило наконец все навоевавшиеся народы без исключения.

Развешивалась в небе долго лишь первая сотня спутников, затем вторая, третья... уже динамичная пятая, седьмая – впечатляюще! (Даже зрелищно. Мы все с хорошим воображением.) Было похоже на грандиозные новогодние приготовления, когда, перебирая ветку за веткой, подвешивают на елку золотистые лампы-шары. Еще и по углам комнаты – и на сам потолок! – и даже (вот баловство!) на комнатные растения. Последние шарики развешивают там и тут, где попало, после чего разом включают свет – а теперь смотрите!.. Лазерный свет спутников, сотня за сотней, включался (смотрите!..), чтобы контролировать случайный взлет своих ли, чужих ли – чьих бы то ни было самонаводящихся ракет. Старики-вахтеры всего мира могли спокойно себе подремывать. И хорошо. И пусть их!.. А что еще есть у стариков (когда свое по жизни отработали), кроме ночных дежурств, болезней и назойливой мысли о безопасности отечества?

Развешивалась последняя, десятая сотня спутников, когда в России, уже, казалось, устоявшейся и привычно европейской, вдруг конфликт. Религиозные трения, констатировали газеты, тем и вечны, что их искры поддувает ветерком истории. Всегда сыщется горстка неостывшего пепла.

В пестрой России это могли быть татары, башкиры, чеченцы, черкесы... Так что было случайностью, что именно татары... что федеральные чиновники, занимаясь нужными, но мелкими хозяйственными делами, умудрились крепко задеть (газеты так и писали: *оскорбить*) религиозные чувства татар, а не кого-то, скажем, других. Но так получилось. Колесики Истории в таких случаях «на чуть» поворачиваются сами. А первыми ласточками стали волнения молодежи в столице Татарстана, когда казанские студенты, повязав зеленые исламские повязки, собирались там и тут на сходки, сидели на трамвайных, на троллейбусных путях и вдруг среди бела дня перекрыли железную дорогу поезду Казань – Москва. Студентов так и звали: «зеленые ласточки».

Университетские начальники (еще «на чуть») распорядились не лучшим образом, призвав и пустив в ход милицию. *Когда неверующие агрессивны, верующие, слава Аллаху, воинственны.* Это подтвердили тысячные толпы на площади и страсти ночного пожара (на другой день) в самой старой, в старинной мечети города. Пожар наверняка был случаен, но История в особенности любит случай. И так непоправимо совпало, что российский президент отсутствовал: вылетел в эти дни на зарубежный саммит. Группка же его заместителей, руководя из Москвы и явно растерявшись, ввела наспех в Казань армейские части. Вползли танки... Все стало узнаваемым. Узнаваемое – стало родным... Стрельба по крышам, по открытым окнам. Залпы... Студенты сжигали танки и самосжигались. Снимки газет и кровавые картинки ТВ облетели мир. Мир качнулся... зашатался...

Шел XXI век, но и ему, XXI, как и всем предыдущим, не доставало положительного опыта. Знали – *как не надо* ... Запад – через решение ООН – требовал от России незамедлительно: танки из Казани вывести. Вместо них войдут международные армейские части. Международные войска (это обещалось) будут нейтральны в делящемся национально-религиозном конфликте. Знакомо подключился Гаагский трибунал. Русские в запале еще более знакомо посоветовали не вмешиваться в их внутренние дела. Колесики Истории этого, собственно, и

ждали. Колесики затаились. (Им бы только еще «на чуть» повернуться!) Добрая воля и стойкость (или нестойкость) этой воли в нас – две независимые, увы, друг от друга вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.